

ГЛАВА 1

НОЧЬ УЧАСТКОВОГО

Старший участковый инспектор полиции майор Геннадий Ильич Карачай открыл глаза и поморгал, соображая, который час и долго ли он спал. За окном стояла ночь, глухая, темная, мрачная. Снег все никак не выпадал, и по ночам Неверск окунался во мрак, как в чернила. Если в начале осени уличные фонари горели через один, то в ноябре их вообще отключили для экономии. Свет исходил только от автомобильных фар, редких светящихся окон и вывесок, но вывески тоже включались далеко не все. Кризис, будь он неладен. Повторялись девяностые. Геннадий Ильич замечал все больше примет раздрая, безвластия и разрухи. И ведь перестройку никто не затевал. Оказалось достаточно череды карантинов и войн местного значения.

Кряхтя и покашливая, Геннадий Ильич сел на кушетке. Ее поставили в комнате дежурств, чтобы было где прикорнуть ночью, хотя, разумеется, это было строго воспрещено. Тем не менее все дежурные спали. Попробуй высиди двенадцать часов кряду, тараща глаза в монитор, книгу, телефон или просто в стену. За тридцать лет службы Геннадию Ильичу Карачаю удавалось это всего несколько раз, да и то во время авралов или семейных неурядиц.

Помещение, в котором он нес дежурство, было настолько привычным, что стен и обстановки как бы не существовало.

Зато, если бы сюда вошел человек новый, со свежим взглядом, он сразу увидел бы множество деталей, давно ускользающих от внимания старожиллов. Первое, что бросилось бы ему в глаза, это, пожалуй, схематическая карта Терешковского района города, вверенного заботам хозяина кабинета. Домики на ней были выпилены из пенопласта, зеленые насаждения обозначены соответствующей краской, а дороги неведомый умелец выложил лоскутами мелкого наждака, имитирующими цвет новехонького асфальта, который на самом деле в районе ни разу не менялся, а только латался, так что выглядел совершенно иначе.

Вторым по важности объектом в кабинете являлся несгораемый шкаф в человеческий рост, небесно-голубой, трехдверный, неподъемный. Боковые стенки его были обклеены календариками, расписаниями поездов, выцветшими мордашками киноактрис и прочей никому не нужной, устаревшей ерундой. Над шкафом выделялся прямоугольник более темных обоев, где когда-то был вывешен портрет то ли вождя пролетарской революции, то ли Феликса Эдмундовича Дзержинского, а может, и президента. Теперь каждый мог домысливать там лик кого угодно, на свое усмотрение.

Письменный стол был зажат в промежутке между несгораемым шкафом и подоконником, заставленным горшками с засохшими цветами, покрывшимися тинной стаканами, таким же позеленевшим графином, статуэтками, шахматными фигурками и всяким ненужным хламом. Чтобы сесть за стол, нужно было протиснуться между подоконником и шкафом. Человек, страдающий избыточным весом, вряд ли сумел бы это сделать.

Геннадий Ильич был жилист, сухопар, грудь имел обыкновенно выпячивать, а зад — отставлять, на манер бойцовского пса, что как-то компенсировало невысокий рост и узковатые плечи. В общем, он производил впечатление сильного мужчины с характером, каковым и являлся.

Размявшись, он аккуратно сложил плед, завернул в него подушечку-думку и спрятал постельные принадлежности подале от глаз начальства в нижний ящик письменного стола. Остальные выдвижные ящики, как полагается, были забиты бумагами. Сколько ни объявляй двадцать первый век компьютерным, но почти всю документацию полицейские по-прежнему вели от руки. Майор Карачай тратил на писанину примерно половину своего рабочего времени.

Если бы кто-то имел возможность заглянуть в его стол, то он бы не мог не заметить на внутренней стороне дверцы замусоленный плакатик с изображением двух главных героев бессмертного сериала «Место встречи изменить нельзя». Следующим открытием наблюдателя стало бы несомненное сходство майора Карачая с капитаном Жегловым: такая же выдвинутая вперед нижняя губа, римский нос, сурово сдвинутые брови, высокий лоб под каштановой челкой. Вошедший немедленно заподозрил бы, что хозяин кабинета знает об этом сходстве, и оказался бы прав, вот почему плакат был скрыт от посторонних глаз.

Закрыв стол, Геннадий Ильич широко зевнул, потянулся и посмотрел на электронные часы, зеленые циферки которых показывали половину четвертого утра. Это означало, что пошли новые сутки и день рождения формально наступил. Сегодня Геннадию Ильичу стукнет... уже стукнуло пятьдесят. Двадцатилетним пришел он в милицию и всю последующую жизнь провел на посту участкового своего микрорайона, являясь главным блюстителем закона для пяти тысяч жителей. Чуть что, все обращались к майору Карачаю: у того соседи шумят, у этих внук бабушку топором зарубил, там собаку отравили, здесь велосипед из подъезда сперли. Бытовуха? Рутинка? Но как раз из таких происшествий соткана изнанка жизни.

Профессиональный опыт приучил Геннадия Ильича видеть мир именно с этой темной, неприглядной стороны.

Он смотрел на людей как на потенциальных потерпевших или нарушителей закона. Угадывал в них запойных алкоголиков, воров, наркоманов, проституток, растлителей малолетних, дебоширов, злостных неплательщиков алиментов и прочую публику подобного рода. Одни уже отбыли свои сроки, другие готовились к ходкам. Геннадий Ильич видел всех их насквозь. И мало что мог сделать для очищения общества от всякого отребья.

Почти все рабочее время уходило не на искоренение преступности, а на прием заявлений, проверку лицензий, на обходы территории, рейды и опросы населения, навязанные сверху. Убили кого-то — участковый обязан присутствовать при осмотре места происшествия. Подрались соседи — он тут как тут, рискуя получить молотком по голове или заточкой в живот. Склоки, жалобы, потоки лжи и сплетен, неаппетитные запахи чужих квартир, стычки с хулиганами, когда ты один против кофлы, пустые угрозы и реальные попытки проломить голову кирпичом в темном переулке. Всякое случается в жизни участкового. Обязанностей куча, ответственности выше крыши, а прав с гулькин нос, раз два и обчелся.

И здоровье одно. И жизнь. И семья, которую нужно еще умудриться сохранить после двадцати с лишним лет брака. Участковому никогда не хватает времени на близких. На себя — тоже. Где ему взяться, времени, когда в сутках всего двадцать четыре часа, а часы эти состоят из мимолетных, скоротечных минут, по шестьдесят в каждом? А ведь еще и поспать надо, и поесть, и побриться, и справить кучу разных человеческих надобностей, и просто поваляться на диване, черт подери... да, поваляться на диване, а кто имеет что-то против, тот пусть в свободное время бегаёт, скачет, пляшет и стоит на голове, раз уж приспичило.

Геннадий Ильич спортом не занимался, однако и просто побездельничать перед телевизором удавалось ему нечасто.

Опытный глаз всегда определит в сотруднике полиции участкового инспектора. У него волосы отросшие, обувь нечищенная, форма мягкая, заношенная, потому что приводить себя в порядок самому некогда, а жена из вредности помогает редко. В руке участкового вечно болтается либо пухлая папка, либо битком-набитый портфель, потому что каждый свой шаг он обязан фиксировать на бумаге, а бумаги эти таскаются с собой. Рапорты, журналы, протоколы, отчеты, всего не перечислишь. И все же майор Карачай приноровился как-то и себя в порядке содержать, и дела не запускать. Можно сказать, что он любил свою работу. Другой-то у него никогда не было. Из армии сразу в милицию, вот и весь его жизненный путь. И звание выше майорского ему не светило. Хорошо еще, что на службе пока держали. Геннадий Ильич совершенно не представлял себе, чем займется и как будет зарабатывать, когда его выпрут в отставку.

Эти вопросы посещали его в последнее время все чаще и не давали покоя, как зубная боль. Еще пока не острая, приглушенная, ноющая, но сулящая немалые страдания. Полтинник — он и есть полтинник, а трудовой стаж у полицейских короток. Сегодня ты при каком-никаком звании, должности, льготах и зарплате, а завтра пенсионную карточку тебе в зубы и на дачу, реечки на парники набивать в растянутых штанах и майке. Закат жизни называется. Они бывают красивые, закаты. Только что потом бывает, каждому известно.

Геннадий Ильич машинально взглянул на черный прямоугольник окна и увидел там свое отражение. Он был совсем еще не седой, волосы имел густые, лицо его, размытое стеклом, выглядело почти молодым, несмотря на жесткие носогубные складки и вертикальные штрихи морщин между бровями. Под коричневым пиджаком светлела рубаша с распахнутым воротом и полосатый вязаный джемпер, поддетый для тепла: в здании до сих пор не топили, а обогревательных приборов сотрудникам полиции не полагалось.

Хотя майор смотрел на себя не без удовольствия и некоторой внутренней гордости, мол, вот я какой молодец, он пробурчал:

— Ну и рожа у тебя, Гена. Ох и рожа.

Подмигнув оторопевшему двойнику, он сел, включил компьютер и стал просматривать сводку криминальных происшествий в Терешковском районе, частью которого являлся его участок. По причине ледяного дождя ночка выдалась относительно спокойная. На подотчетной территории Геннадия Ильича вообще не приключилось ни одного преступления. Машины не угоняли, женщин в лифтах не насиловали, ларьки не грабили. Благодать! Всегда бы так.

Геннадий Ильич хотел было погонять цветные шарики на компьютерном экране, когда позвонил дежурный по району и велел ехать на рынок, там опять бандитская разборка приключилась, три пулевых ранения, одно смертельное.

Майор Карачай, вздыхая, натянул узковатый кожаный плащ и такую же черную кепку. Рядом на вешалке висел прозрачный дождевик с капюшоном, который купила ему жена, уверенная, что никакие плащи и зонтики от ливней не спасают. Дождевик вызывал неприятные ассоциации с презервативом, поэтому Геннадий Ильич его так и не надел ни разу. Сегодня его рука сама потянулась к полиэстеровой накидке. Хворать было нельзя, никак нельзя. Больничный лист мог напомнить начальству о возрасте старшего участкового инспектора Терешковского микрорайона, а это было лишним.

В задумчивости пошуршав полиэстером, он пробормотал: «Мы в полиции, а не в институте благородных девиц», — запер дверь участка, погрузился в свою выдавшую виды «шкоду» и поехал на рынок.

Как уже неоднократно отмечалось, район, в котором он жил и работал, назывался Терешковским. Кто и почему называл его именем первой советской женщины-космонавта, являлось тайной, покрытой мраком. Никаких космодромов

и космических объектов в Неверске сроду не водилось. Когда-то на месте Терешковского микрорайона находился военный аэродром, но маленький, временный, просуществовавший недолго. Зато в этих местах часто и охотно расстреливали и хоронили убиенных во рвах, одинаковых, что при Сталине, что при Гитлере, что снова при Сталине. Ревнители исторической справедливости раскопали пару братских могил, сфотографировали черепа с костями, а на их месте возвели мемориалы: бетонный крест, опутанный настоящей колючей проволокой, и плиту из мраморной крошки с фамилиями опознанных жертв тоталитаризма. На большее их не хватило, большего никто от них и не требовал. Ныне живущим не было дела до забот прошлых поколений. Вскрывая свои незаконные огородики, они совершенно не задумывались, чьим прахом удобрена их земля, на чьих костях выращена их картошечка, свеколка и морковочка.

Огороды эти были постоянной головной болью майора Карачая, потому что самовольные захватчики земельных наделов препятствовали свободному хождению граждан, стремившихся в лесополосы и рощи, чтобы выгулять там своих четвероногих питомцев или оздоровиться посредством бега трусцой. Как только начиналась пора первых урожаев, огородники выставляли сторожевые посты, несшие дежурство в хлипких хибарках и преграждавшие тропы, дабы злоумышленники не надергали себе лука и редиски. На этой почве даже случались мордобои, а недавно один не в меру активный земледелец проломил голову мальчику, позарившемуся на его малину. Майору тогда здорово влетело. До самой осени пришлось ему бродить по полям, снося хибарки и разгоняя огородников. И все в одиночку, потому что помощника участковому не полагалось, а у патрульной службы своих забот хватало.

Геннадий Ильич вспомнил эту историю, потому что ехал к рынку по объездной дороге, пролежавшей мимо огородов.

Теперь на них было темно и безлюдно, вокруг вскопанных клаптиков земли высились белесые заросли бурьяна, из которых отсвечивали глаза бродячих кошек и собак. Блочные девятиэтажки беспорядочно высились там и сям, и редкие светящиеся окошки наводили тоску и печаль, понятную только тем, кто рос и жил в подобных спальных районах, как бы они ни назывались и в каких бы сторонах света ни находились.

Миновав пустырь, Геннадий Ильич свернул на узкую дорогу, покрытую выбоинами и непросыхающими лужами. «Шкоду» подбрасывало и раскачивало, как угловое суденышко, попавшее в жестокий шторм. Дождь не прекращался, пришлось включить дворники, чтобы избавиться от мутных водяных потоков, стекающих по лобовому стеклу. С одной стороны тянулась бесконечно длинная многоэтажка, прозванная в народе Китайской стеной. По левую руку угадывался темно-зеленый забор рыночной площади из металлических листов, местами отогнутых, местами помятых и на всем протяжении обклеенных самодельными объявлениями. Входы и выходы рынка были обозначены мусорными баками, как всегда, набитыми доверху.

Геннадий Ильич свернул в один из таких проемов и увидел разноцветье фар, мигалок и сигнальных огней. Следственная бригада работала вовсю, прикрываясь зонтами и пакетами. По причине позднего времени зевак собралось мало — два никчемных бомжа с клетчататыми сумками, нетрезвый мужчина неопределенного возраста и какой-то совсем уж пьяный гражданин, не столько рассматривавший труп, сколько занятый сохранением собственного равновесия.

Геннадию Ильичу вдруг тоже захотелось выпить. Сильно. До скрежета зубного. Обстановка располагала. Вкупе с жизненными обстоятельствами. «Напьюсь, — решил он. — День рождения как-никак. Который, как пел один мой тезка, только ра-аз в го-оду».

Мелодия песни про то, как бегут неуклюже пешеходы по лужам, вертелась в его голове, когда он приблизился к начальнику оперативно-следственной бригады, чтобы представиться и получить задание.

— Опроси, вон, свидетеля, — распорядился следователь. — Сторож Власенко. Он тут по найму сразу несколько точек охраняет. Лыка не вяжет, сука. И от него несет, как от пивной бочки.

Разумеется, возиться с пьяным свидетелем было выше его прокурорского достоинства. Пришлось подключаться Геннадию Ильичу. Он отвел Власенку к срезу наклонной крыши и подержал там под потоком сбегаящей воды, пока сторож не сумел связно ответить на несколько дежурных вопросов. Только после этого Геннадий Ильич пустил его под саму крышу и развернул бланк протокола на папке. Бумага моментально расползлась и пошла клочьями. Геннадий Ильич вытер папку кепкой, нахлобучил ее обратно и достал новый бланк.

Полученные показания были отрывочными и путаными. Сторож Власенко проснулся среди ночи, чтобы совершить обход (а заодно добавить, как мысленно заключил майор), выбрался из подсобки и увидел много машин, съехавшихся на пятачке, разделяющем продуктовый и вещевой рынки...

Как знал каждый житель «Терешковки», первый состоял по большей части из однотипных прилавков под навесами, тогда как второй представлял собой ряды сооружений, напоминающих железные гаражи эпохи развитого социализма. Только в гаражах этих хранились не «волги» с «жигулями», а различные товары, от обоев и штор до обуви, одежды и бытовой техники.

Рынок возник стихийно, когда рухнул прежний строй, и на его руинах распустились всякие поганки, паразиты и плесень. Торговцев и челноков тотчас подмяли под себя бандиты, как новоявленные, из спортсменов, так и самые настоящие, блатные. Первых перещелкали при разборках и определили

на кладбища. Вторых разметали правоохранители, но лишь затем, чтобы занять их место и доить торгашей культурненько, без утюгов и бейсбольных бит. Лет десять продолжалось такое положение дел, пока менты с чекистами не переметнулись к крупному бизнесу, где можно было насосать куда больше. Мелкие предприниматели вздохнули с облегчением и начали наращивать жирок, пока экономическая нестабильность и политическое разгильдяйство не загнали страну туда, откуда она с таким трудом выкарабкалась. В глубокую задницу.

И появились в Неверске новые банды, именуемые теперь уважительно: организованные преступные группировки. За право собирать дань на Терешковском рынке боролись сразу три ОПГ: спортивная, уголовная и этническая. Каждый полицейский города знал об их существовании, а также мог назвать главарей группировок и их наиболее отличившихся подручных. Не являлось это тайной и для Геннадия Ильича Карачая.

Слушая сбивчивый рассказ, он определил, что разборка произошла между качками и блатными. Подстрелили члена спортивной банды, возглавляемой бывшим чемпионом по боксу в легком весе Вадимом Засыпкиным по кличке Муха. Блатарей было меньше, но они выхватили стволы первыми и действовали более решительно.

— Бах-бах! — рассказывал сторож Власенко. — Громко так, я чуть не оглох. И полыхало... мать моя женщина!

— А вы что? — спросил Геннадий Ильич, водивший ручкой по бланку и, естественно, пропуская цветистые обороты.

— Прятаться полез, что же еще, — был честный ответ. — Забился в щель между коробками, а сам думаю, чего со мной сотворят, ежели найдут. У меня ведь только травматический пистолет, да и то для виду.

— Это как? — профессионально заинтересовался Геннадий Ильич. — Нет разрешения на ношение оружия?

— Разрешение есть, — пояснил Власенко. — Патронов нет. Все расстрелял, когда от подростков отбивался, а на новые не накопил.

— Зато на водку нашел.

— Боже упаси, начальник! Бутылочку пива выпил и только.

— Потому на ногах не стоял?

— У меня с аппаратом проблемы, — нашелся сторож. —

С этим, с вестибулярным.

— Настоящие проблемы будут, если бухать не бросишь на дежурстве, — предупредил Геннадий Ильич. — Ставь подпись и ступай греться. Пить не вздумай. Тебя сегодня еще не раз дернут.

Разделавшись со сторожем, он направился с рапортом к следователю, но тот слушать не стал, спросил рассеянно:

— Примет и номеров машин, значит, не имеем? Свободен, майор. Без тебя справимся.

Как будто Геннадий Ильич сам вызвался показания под дождем собирать. И сказано это было таким тоном, словно с ним не прокурорский капитанишка разговаривал, а по меньшей мере генерал МВД.

Плюнул он дождевой водой и отправился в отделение чай заваривать. В ботинках хлюпало, а в носу нет. Это обнадеживало.